

Куфтяк Е.В. Факторы становления совладающего поведения в детском и подростковом возрасте

English version: [Kuftyak E.V. Factors of development of coping behavior in children and adolescents](#)

Костромской государственный университет им. Н.А.Некрасова, Кострома, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Раскрывается специфика психологических защит и стратегий совладающего поведения в дошкольном, младшем и старшем школьном возрасте. Рассматриваются ситуации, провоцирующие защитное поведение. Анализируются результаты эмпирических исследований копинг-поведения детей с учетом факторов возраста, ситуации, дефицита психического развития, семейного контекста. По результатам анализа представлена модель формирования копинг-поведения у детей, включающая детерминанты: качество привязанности, система личностных отношений ребенка, семейный контекст, детско-родительские отношения, стиль совладающего поведения родителей.

Ключевые слова: копинг, адаптивное поведение, совладающее поведение, психологическая защита, развитие

Развитие механизмов защиты и совладания, овладение необходимыми навыками для преодоления трудных жизненных ситуаций – важная и необходимая часть развития личности ребенка. Существенной стороной понимания любого личностного феномена является представление о законах его формирования в онтогенезе. В процессе онтогенеза у каждого ребенка формируется индивидуальный уникальный стиль адаптивного или защитного поведения, управляющий состоянием и преодолевающий стрессы повседневной жизни. Изучение совладающего поведения личности ведется в возрастном диапазоне от преддошкольного детства до старости [Никольская, Грановская, 2000; Хазова, 2002; Куфтяк, 2002; Крюкова, 2004; Ветрова 2009].

Известно, что развитие стилевых защитных механизмов определяют следующие факторы: динамические особенности психики; личный опыт успешности удовлетворения базисных психологических потребностей; опыт отношений в родительской семье как пример разрешения жизненных ситуаций; хроническая психотравматизация личности [Грановская, Никольская, 1998; Гребенников, 1994]. Разные исследователи, выделяют и исследуют разнообразные факторы, сосредотачивая свое внимание либо на индивидуальных, либо на средовых факторах, определяющих развитие и становление адаптивного поведения.

Однако до настоящего времени отсутствует систематичность и последовательность в анализе основных факторов, участвующих в становлении стиля защитного поведения у детей.

Механизмы адаптивного поведения

Изучение психологических защит и копинг-поведения как областей психологического знания в

зарубежной науке основывается на глубоких и давних традициях [Наан, 1969; Lazarus, 1966]. Впервые в психоанализе вводят понятие защитных механизмов и рассматривают процесс копинга как адаптивное поведение совладания в целях восстановления равновесия. З.Фрейд и А.Фрейд описали различные формы защиты, которые выполняют функцию снятия «внутреннего конфликта», и показали многообразие и сложность самого понятия. А.Фрейд подчеркивала оберегающий характер защитных механизмов, указывая, что они предотвращают дезорганизацию и распад поведения, поддерживают нормальный психический статус личности [Фрейд, 1993].

В психологической науке отсутствует единая точка зрения о механизмах протекания и выбора защитных стратегий субъектом. Согласно современным представлениям, защитные механизмы понимаются как система регуляторных механизмов, которые направлены на устранение или сведение к минимуму негативных, травмирующих личность переживаний, сопряженных с внутренними конфликтами, состояниями тревоги и дискомфорта. Общая черта всех видов защиты – их независимость от сознательных желаний и намерений человека, поэтому можно наблюдать только их внешние проявления [Грановская, Никольская, 1998].

В западной психологии понятия coping stress и coping behavior используются для описания характеристик способов поведения человека в различных трудных ситуациях. Под понятием «совладающее поведение», распространенным в отечественной психологии, принято понимать целенаправленное социальное поведение, позволяющее субъекту с помощью осознанных стратегий, адекватных личностным особенностям и ситуации, справиться со стрессом или трудной жизненной ситуацией [Крюкова, 2008]. Главная задача копинг-поведения – обеспечение и поддержание благополучия человека, его физического и психического здоровья и удовлетворенности социальными отношениями.

В настоящее время активно разрабатывается новый подход к анализу совладающего поведения как поведения субъекта, детерминированного рядом факторов: диспозиционными (личностными), динамическими (ситуационными), социокультурными (экологическими) и регулятивными [Крюкова, 2008]. С точки зрения психологии субъекта различная степень осуществления собственных планов связана с различной мерой активности, интегративности и самоопределения личности как субъекта деятельности и жизни.

Несмотря на сравнительно непродолжительную историю активного изучения психологических защит и совладающего поведения, их соотношение является одним из дискуссионных вопросов. Одни исследователи сводят эти понятия воедино, другие же, наоборот, видят в них принципиальное различие. По мнению З.Фрейда, содержание социально-психологической адаптации описывается формулой «конфликт → тревога → защитные реакции», что позволяет представить каждый стрессовый эпизод или конфликт как определенную последовательность некоторых актов. Подобное понимание позволяет предполагать тесное взаимодействие разных механизмов адаптивного поведения личности. Б.Д.Карвасарский, В.А.Ташлыков указывают, что механизмы защиты и механизмы совладания выступают как адаптационные процессы индивидуума [Психотерапевтическая энциклопедия, 1998].

Исследователи различают два типа психологических защит личности – внутрличностные и межличностные. Внутрличностные защиты используются для сохранения позитивного образа «Я» за счет когнитивно-эмоциональной информации, поступающей из внешнего мира. Межличностные защиты выбираются личностью в целях сохранения своей целостности путем изменения характера взаимодействия с окружающими. Р.Лазарус, обсуждая вопрос о разделении защитных реакций, выделял пассивные, интерпсихические механизмы, считая их пассивным копинг-поведением, и интрапсихические формы преодоления стресса, обозначаемые как психологические защиты.

По мнению Н.Хаан [Наан, 1977], копинг и защита основываются на одинаковых, тождественных эго-процессах, но отличаются полярностью направленности – либо на продуктивную, либо на слабую адаптацию. Копинг-процессы начинаются с восприятия вызова, запускающего когнитивные,

социальные, мотивационные и нравственные структуры, действия которых являются основными для адекватного ответа. В ситуации новых для личности требований, при которых существующий ответ не является подходящим, возникает копинг-процесс. Если новое требование непосильно для личности, тогда копинг-процесс может принимать форму защиты. Защитные механизмы позволяют устранить психотравму за счет искажения действительности.

Основное отличие совладающего поведения от проявления психологических защит состоит в том, что копинг является пластичным, зависящим от ситуации процессом и имеет «отложенный эффект», то есть рассчитан на перспективу. Кроме того, копинг – это целенаправленное поведение субъекта как источника возможного преобразования ситуации [Никольская, Грановская, 2000].

В соответствии с представлениями о стресс-копинге [Lazarus, 1991; Анцыферова, 1994; Абитов, 2007; Сергиенко, 2008, 2010] психологическая защита и копинг-стратегии рассматриваются с позиции их общего участия в осуществлении адаптивного поведения личности.

И.Р.Абитов [Абитов, 2007] считает, что механизмы психологической защиты, копинг-стратегии и механизмы антиципации обладают единой функцией, и объединяет их в единую структуру, обозначаемую понятием «совладающее поведение». В его работе было показано, что все механизмы тесно связаны между собой. «Опережающее совладание» (антиципационные механизмы), действуя на предвосхищение стрессовых эпизодов, снижает выраженность копинг-поведения. Невозможность преодолеть стрессовую ситуацию с использованием механизмов антиципации и копинга запускает в действие психологические защиты.

Е.А.Сергиенко [Сергиенко, 2008, 2010], развивая положения о контроле поведения как интегративной характеристике субъектной регуляции, рассматривает контроль поведения как континуум защитного поведения. Степень согласованности «веса» личностной направленности и возможностей субъектной интеграции будет определять и тип используемых механизмов адаптации. Подобное предположение ведет к пониманию взаимосвязи совладающего поведения с психологическими защитами.

В русле данного подхода И.И.Ветрова в своем исследовании [Ветрова, 2009] прослеживает развитие и соотношение защитных видов поведения – психологических защит, совладающего поведения и контроля поведения. В ее работе эта гипотеза проверялась в лонгитюдном исследовании детей подросткового возраста (от 14 до 18 лет). Было показано, что совладающее поведение, контроль поведения и психологические защиты являются тесно связанными конструктами в едином механизме саморегуляции. Корреляционный анализ позволил обнаружить, что копинг-стратегии положительно связаны с психологическими защитами как у мальчиков, так и у девочек, что свидетельствует о комплексе регулятивного поведения.

Таким образом, психологические защиты и совладающее поведение необходимо рассматривать как комплекс единых механизмов адаптивного поведения, включающего разные уровни регуляции (неосознаваемые, осознаваемые).

Возрастная динамика защитных механизмов

Психоаналитическая литература дает картину возрастной динамики психологической защиты. Особую роль играют работы А.Фрейда, в которых исследовательница представила описание механизмов психологической защиты у детей [Фрейд, 1993]. Она существенно расширила представления о механизмах защиты, рассматривая их не только как врожденные особенности, но и как индивидуальные свойства, приобретаемые индивидом в ходе онтогенеза. Защитные механизмы представляют деятельность сознания, которая начинается, когда «Я» подвергается чрезмерной активности побуждений или соответствующих им аффектов, представляющих для него опасность.

По мнению А.Адлера, у каждого ребенка к 4–5 годам формируется паттерн поведения, в котором отражены психологическая защита и отношения ребенка к окружающим, включая и свое будущее [Адлер, 2011].

В работах А.Фрейд показана динамика образования защитных механизмов. По мнению автора, фрустрация базовых потребностей, а именно в присоединении, аффилиации, безопасности, принятии и, как следствие, самопринятии, стимулирует образование специфических механизмов защиты в определенные сензитивные периоды психического развития.

К концу первого года жизни, согласно описаниям А.Фрейд, ребенок имеет минимальные средства защиты от эмоциональных переживаний, связанных с неприятными и опасными стимулами окружающего мира. На этапе раннего развития ребенок дает сигналы дистресса, которые в результате диадического общения (мать – ребенок) воспринимаются и обеспечивают ему безопасность. Игнорирование сигналов или частичное их удовлетворение ведут к возникновению перманентной депрессии как предпосылки для образования защитных механизмов.

Период от *одного до двух лет* – это начало выделения себя из окружающего мира. Механизмы *проекции* и *интроекции* появляются лишь при ясном различении того, «что принадлежит одному, и что принадлежит другому» [Фрейд, 1993, с. 45]. С помощью этих механизмов незрелое «Я» ребенка сбрасывает с себя и приписывает внешнему миру все болезненное для него и принимает все приятное.

На этапе от *двух до трех лет* происходит установление дистанции между «Я» и «Оно». *Вытеснение* выступает основным видом защиты, обеспечивающим сформировавшееся разделение инстанций.

Механизмы *реактивного образования* и *сублимации* преобладают в период от *трех до пяти лет*. Формирование этих механизмов становится возможным с усвоением и принятием нравственных («высших социальных» – у А.Фрейд) ценностей, что уже связано с существованием «Сверх-Я».

Интеллектуализация, связанная с развитием речи и логического мышления, появляется позднее, что выдвигает ментальную активность на более высокий уровень усвоения действительности. Ребенок имеет возможность переоценить нежелательную информацию удобным для себя образом.

От *пяти лет* до препубертатного возраста появляются следующие механизмы защиты: *регрессия*, *расщепление*, *замещение*.

В период *препубертата* и *юности* происходит формирование механизмов *рационализации*, *катарсиса*.

А.Фрейд предположила, что регрессия и замещение (обращение на себя) не зависят от стадии развития ребенка. Она их относит к самым ранним защитным механизмам, используемым Я.

Изучение психологического защитного поведения в детском возрасте долгое время не подвергалось систематизированным исследованиям. В настоящее время известны единичные отечественные исследования, посвященные изучению динамики защитных механизмов и копинг-поведения на разных возрастных этапах развития детей.

Исследователями установлена существенная разница в проявлении защитных стратегий совладания у взрослых и у детей, хотя поведенческие стратегии с одинаковой успешностью применяют и те, и другие. Так, эмоциональные способы борьбы со стрессом дети используют чаще взрослых, так как заострение эмоциональных свойств личности – их характерная особенность. Отреагировать неприятную жизненную ситуацию с помощью эмоций: горя («плачу»), гнева («воплю, кричу») или аффекта в целом («схожу с ума») – для детей самое обычное дело. Эмоциональный уровень реагирования на «вредности» жизни в 6–12 лет считается возрастной нормой. Вместе с тем дети

редко используют интеллектуальные стратегии, что связано с недостаточным развитием абстрактно-логического и теоретического мышления (левополушарный тип мышления), умением работать с информацией, нередко без опоры на конкретную жизненную ситуацию, которая эту информацию породила.

И.М.Никольская, Р.М.Грановская [Грановская, Никольская, 1998] проследили изменения в выборе копинг-стратегий у детей 7–9 лет и 10–11 лет. Они выявили, что младшие дети чаще старших прибегают к поведенческим стратегиям совладания, переключаясь на отвлечение («гуляю, бегаю, катаюсь на велосипеде», «смотрю телевизор, слушаю музыку»), а младшие подростки чаще осмысливают и рационализируют сложившуюся ситуацию («думаю об этом»).

Наиболее полное исследование динамики процесса становления совладающего поведения у детей в возрасте 7–11 лет проведено А.В.Смирновой [Смирнова, 2010]. Период 7–11 лет – период формирования копинг-стиля ребенка, характеризующийся неравномерностью, гетерохронностью и наличием критического течения в возрастные изменения и кризисы. От младшего школьного возраста к младшему подростковому устанавливается более зрелый, цельный и социально приемлемый копинг-стиль, ориентированный на *решение проблемы*. С взрослением выбор защитного поведения становится более осознанным, в сторону большей конструктивности, что свидетельствует о развитии регуляторного опыта. Возраст 8 и 11 лет отмечен как критический в становлении копинг-стиля. В 8 лет происходит снижение частоты использования большинства копинг-стратегий детьми, что связано с процессом адаптации к школе и связанной с ней психологической нагрузкой. В 11 лет происходит дезорганизация или срыв уже «наработанных» механизмов защитного поведения в связи с началом нового возрастного кризиса. Сложившийся в предыдущем возрастном периоде конструктивный стиль совладания (*решение проблемы, поиск социальной поддержки, принятие ответственности и интернализация*) младшими подростками менее используется, наиболее свойственен им экстернальный копинг, ориентированный на себя и предметы, и внутренние способы переработки (*интернализация и дистанцирование*).

Т.Л.Крюкова [Крюкова, 2004, 2008] в исследовании возрастных, половых и кросскультурных факторов выбора совладающего с трудностями поведения выявила изменения совладания в процессе взросления (в период от 14 до 19 лет). В группе мальчиков 17–19 лет по сравнению с мальчиками 14–16 лет чаще используют стратегию *решение проблемы*, реже – *духовность и друзья*. К позитивным изменениям отнесено снижение выбора в процессе взросления непродуктивных стратегий – *чудо, несовладание, игнорирование и активный отдых*. У девочек в возрасте от 14–16 к 17–19 годам происходит увеличение выраженности значений стратегий *решение проблемы, духовность*, а также стратегии *профессиональная помощь*. Среди негативных тенденций отмечено повышение использования девочками с возрастом непродуктивных стратегий: *несовладание и самообвинение*. Также снижается с возрастом выраженность у них стратегий *принадлежность и активный отдых*.

Таблица 1

Возрастная динамика копинг-поведения (по данным эмпирических исследований)

Возраст	Исследователи копинг-поведения детей	
7 лет	Никольская И.М.	Смирнова А.В.
8 лет	Копинг-стратегии по типу отвлечения	Неконструктивные и условно-конструктивные стратегии (экстернализация, отвлечение, интернализация)
9 лет		Стратегии отвлечения и экстернализации
		Стратегии отвлечения и экстернализации, более зрелые и

		социально-приемлемые стратегии (дистанцирование, интернализация, принятие ответственности)
10 лет	Выбор стратегий по типу интеллектуализации	Конструктивные стратегии (решение проблем, поиск социальной поддержки, принятие ответственности)
11 лет		Стратегии отвлечения и экстернализации
	Крюкова Т.Л.	Ветрова И.И.
14 лет	У мальчиков: продуктивный (духовность), социальный (друзья) и непродуктивный (чудо, несовладание, игнорирование, активный отдых)	Продуктивный (решение проблем, работа, достижение) и социальный (друзья, принадлежность) стили
15 лет	стиль. У девочек: социальный (принадлежность) и непродуктивный (активный отдых) стиль	Продуктивный (решение проблем, работа, достижение) и социальный (друзья, принадлежность) стили
16 лет		Продуктивный (решение проблем) и социальный (друзья) стили
17 лет	У мальчиков: продуктивный (решение проблем) стиль. У девочек: продуктивный (решение проблем, духовность), социальный (профпомощь) и непродуктивный (несовладание, разрядка, самообвинение) стили	Продуктивный (решение проблем) и социальный (друзья) стили
18 лет		Продуктивный (решение проблем) и социальный (друзья) стили
19 лет		

В лонгитюдном исследовании, проведенном И.И.Ветровой [Ветрова, 2009], изучалась динамика регуляции поведения в подростковом возрасте (от 14 до 18 лет). Было установлено, что в целом стиль регуляции поведения (копинг-поведение, психологические защиты, контроль поведения) остается стабильным. Подростки наиболее часто используют продуктивные и социальные копинг-стратегии (*решение проблем, социальная поддержка, работа, достижение, друзья, позитивный фокус* и др.), частота обращения к которым возрастает с возрастом. Значительный скачок отмечен между 17 и 18 годами в сторону большей продуктивности копинг-стиля, что связано с изменением социальной ситуации в развитии (окончание школы, поступление в вуз). Количество изменений по психологическим защитами остается стабильным.

Таким образом, анализ основных характеристик динамики защитного поведения, полученных разными методами исследования (методом лонгитюда, поперечных «срезов»), позволяет нам утверждать, что «закладывание» и дифференциация устойчивого стиля совладающего поведения происходит в период младшего школьного возраста, что в дальнейшем определяет вектор развития личности – адаптивной / неадаптивной.

Дефицит развития и становление копинг-поведения

Становление копинг-поведения определяется не только возрастным фактором, но и особенностями психического (умственного, личностного и эмоционального) развития ребенка. Особенности

психического развития откладывают негативный отпечаток на адаптивной деятельности детей, их умении разрешать трудные ситуации. Интеллектуальная недостаточность разной степени представляет собой сборную по клиническим признакам группу многообразных вариантов отклонений в структуре интеллекта и формирования отдельных сторон психики, которые мешают адаптационным возможностям детей. При нарушении интеллектуального развития сбой в процессе копинг-поведения происходит на этапе «первичной оценки» – когнитивного процесса с эмоциональными компонентами.

В исследовании детей младшего школьного возраста с задержкой психического развития (ЗПР) нами было установлено, что им и их сверстникам с типичным развитием свойственны одинаковые трудные жизненные ситуации – смерть и болезнь родных; собственные болезни, травмы и опасные для жизни ситуации; одиночество, разлука с родственниками, друзьями; школьные трудности, связанные с плохими отметками. При этом у детей с ЗПР отмечается нивелированность трудных ситуаций по их значимости, то есть у них отсутствует осознание ситуации как трудной. У детей с типичным развитием наиболее значимыми и переживаемыми являются ситуации, связанные с собственной болезнью, травмами, а также с плохими школьными отметками. Младшие школьники с ЗПР чаще используют в трудной жизненной ситуации эмоциональную разрядку с деструктивным проявлением («бью, ломаю, швыряю вещи», «кусаю ногти, ломаю суставы пальцев», «воплю, кричу», «схожу с ума», «дразню кого-нибудь», «борюсь, дерусь с кем-нибудь»).

Т.А.Колосова [Колосова, 2007] в исследовании копинг-поведения и механизмов психологической защиты у подростков с умственной отсталостью обнаружила, что умственно отсталые подростки реже, чем подростки с типичным развитием, используют конструктивные стратегии, приводящие к разрешению ситуации («говорю сам с собой») и смене деятельности («гуляю вокруг дома», «играю», «гуляю, бегаю, катаюсь на велосипеде», «смотрю телевизор, слушаю музыку»). В то время как стратегии физического насыщения («ем и пью») и деструктивного поведения («борюсь, дерусь с кем-нибудь», «бью, ломаю, швыряю вещи»), отличающиеся непродуктивностью, наоборот, представлены в большей степени у подростков с умственной отсталостью, что снижает адаптационные возможности.

В целом для совладающего поведения подростков с умственной отсталостью оказалось характерно действие в трудной ситуации по шаблону с использованием от одной до трех копинг-стратегий, тогда как подростки с типичным развитием имеют широкий поведенческий репертуар стратегий. Особенности совладающего поведения подростков с умственной отсталостью связаны с недостаточной пластичностью структуры их личности, сниженной способностью к обучению, замедленным накоплением жизненного опыта. Автор установила, что для подростков с умственной отсталостью характерно преобладание механизмов психологической защиты по типу *регрессии* и *отрицания* [Колосова, 2007]. Данные виды защитных механизмов относятся к онтогенетически более ранним и наиболее примитивным защитным механизмам и присущи детям более младшего возраста. В группе подростков с типичным развитием чаще обнаруживаются механизмы психологической защиты по типу *рационализации* и *компенсации*, что свидетельствует о развитии и усложнении личности подростков.

С.Х.Бернардо при исследовании копинг-поведения у лиц раннего юношеского возраста с легкой степенью умственной отсталости установила, что неправильная «первичная оценка» ситуации у данной категории связана с неустойчивостью в эмоциональной сфере [Бернардо, 2000]. Так, главным препятствием для правильной оценки ситуации выступают эмоциональные компоненты. Наибольшую выраженность в репертуаре копинг-стратегий у лиц с умственной отсталостью имеет стратегия *поиска социальной поддержки*, которая позволяет смягчить воздействие стрессоров.

Личный опыт успешности удовлетворения базисных психологических потребностей (в безопасности, доверии, принятии, автономии, самоопределении) выступает одним из факторов, оказывающим влияние на развитие стилевых защитных механизмов [Никольская, Грановская, 2000].

В исследовании совладающего поведения детей с разной степенью эмоциональной близости к родителям мы получили интересные результаты [Куфтяк, 2011b]. Отношения привязанности – особые, эмоционально насыщенные узы матери и ребенка, формирующиеся в ранний период жизни и закладывающие модель всех последующих отношений и стиль поведения ребенка. В исследовании приняли участие младшие школьники с задержкой психического развития и дети с типичным развитием. При помощи проективного рисуночного теста «Рисунок семьи» были выделены группы детей с уверенной и тревожной привязанностью. В исследовании мы определили значимые различия в выборе копинг-стратегий детьми с ЗПР и их сверстниками с типичным развитием с учетом типа привязанности к матери.

Дети с уверенной привязанностью по сравнению с детьми с тревожной привязанностью чаще используют стратегию *«стараюсь забыть»*, *«говорю с кем-нибудь»*. При столкновении с трудными ситуациями они демонстрируют выбор активно-деятельностных стратегий, позитивные аффекты у них преобладают над негативными. Они отличаются большей напористостью во взаимоотношениях со сверстниками, что свидетельствует об уверенности в своих действиях. Наиболее выбираемыми стратегиями (от 67% выборов и более) у детей с тревожной привязанностью являются следующие: *«остаюсь сам по себе, один»*, *«обнимаю или прижимаю к себе кого-то близкого, любимую вещь или гладжу животное»*, *«гуляю, бегаю, катаюсь на велосипеде»*.

Дети с ЗПР с тревожной привязанностью чаще детей с ЗПР с уверенной привязанностью выбирают *«стараюсь расслабиться, оставаться спокойным»*, *«говорю сам с собой»*, *«схожу с ума»*, *«бью, ломаю или швыряю вещи»*. Их нормально развивающиеся сверстники с тревожной привязанностью чаще детей с уверенной привязанностью выбирают *«думаю об этом»*, *«бегаю или хожу пешком»*, *«говорю с кем-нибудь»*.

В целом дети с тревожной привязанностью демонстрируют пассивный (аккомодативный) стиль поведения в конфликте. При пассивном стиле поведения ребенок стремится приспособиться к внешним обстоятельствам в ущерб своим желаниям и возможностям. Неконструктивность его поведения проявляется в ригидности, в результате чего ребенок пытается полностью соответствовать желаниям окружающих. Дети с пассивным стилем поведения в конфликте не имеют возможности проявить чувство гнева. Чтобы защититься от него, они отрицают даже наличие у себя этого чувства либо направляют его на себя.

Для детей с ЗПР с тревожной привязанностью характерно использование стратегий, связанных с рефлексивным уходом и эмоциональным отреагированием, что говорит о том, что для них свойственно прибегание к эмоционально-поведенческим способам совладания с трудностями. В то время как для детей с типичным развитием значим выбор стратегий, связанных в большей или меньшей степени с когнитивной сферой, – *«думаю – говорю»*.

Таким образом, дети с разным качеством привязанности демонстрируют различные стили поведения в трудной жизненной ситуации: дети с тревожной привязанностью – пассивный стиль поведения в решении трудной ситуации; для детей с ЗПР с тревожной привязанностью характерно использование эмоционально-поведенческих способов совладания с трудностями; дети с тревожной привязанностью с нормальным развитием используют стратегии, связанные в большей или меньшей степени с когнитивной сферой; уверенно привязанные дети выбирают активно-деятельностные копинг-стратегии, позитивные аффекты у них преобладают над негативными.

Ситуации, провоцирующие защитное поведение

С точки зрения психоанализа формирование и функционирование личности взрослого обусловлено детским опытом, в частности переживаниями и тревогой, что является одним из условий проявления защитного поведения [Фрейд, 1993; Никольская, Грановская, 2000]. Страх наказания, страх быть пристыженным, страх утратить расположение значимого другого стимулируют развитие защитных механизмов [Куттер, 1997], устраняющих внутренний и внешний дискомфорт, восстанавливающих внутреннее равновесие личности. Чтобы компенсировать неприятные переживания, справиться с чувствами беспомощности и вины, ребенок вынужден нарабатывать и использовать разнообразные стратегии поведения.

Ссоры и конфликтные взаимоотношения супругов, определенные черты личности родителей, негармоничный стиль воспитания, нарушение коммуникаций в семье не создают условия для удовлетворения важнейшей потребности ребенка в безопасности, а потребность в привязанности подвергается серьезному испытанию, что, в свою очередь, может привести к формированию у ребенка неконструктивного и неадаптивного защитного стиля.

Анализ литературы позволяет выделить два взгляда на онтогенез психологической защиты через призму взаимодействия в семье, которые являются взаимодополняющими [Никольская, Грановская, 2000]. Защитные механизмы возникают у ребенка как результат:– негативного воздействия со стороны родителей;
– усвоения демонстрируемых родителями образцов защитного поведения.

Проанализируем защитное поведение как результат негативного воздействия со стороны родителей. В данном случае родитель выступает в роли источника страха и тревоги ребенка.

Неправильное воспитание, строгие дисциплинарные воздействия, угрозы со стороны родителей могут способствовать развитию у личности тревожности и страха. По мнению А.Фрейда, существует два вида страха, переживаемых ребенком: *страх наказания* и *страх лишиться родительской любви*. Эти страхи способствуют развитию защитных механизмов либо неконструктивных способов и стилей совладания. Наказанный ребенок, считает А.Фрейд, чаще всего скрывает свои чувства, меняет их проявление или стирает все беспорядочные эмоции из своего сознания.

В решении вопроса о влиянии родителей на онтогенез защитных механизмов Л.Р.Гребенников [Гребенников, 1994] берет за основу деление Е.Т.Соколовой всех видов неэффективно выстроенных детско-родительских взаимоотношений на отвержение и симбиоз. Согласно его представлениям, любой из воспитательных стилей, связанных с эмоциональным отвержением ребенка (гипоопека, авторитаризм, гиперопека), блокирует спонтанную реализацию базисных потребностей в присоединении, аффилиации, безопасности, принятии и, как следствие, в самопринятии. Ребенок вынужден адаптироваться к гетерономному воздействию на социальном и психологическом уровнях и строить позитивный образ «Я» с помощью образования и очень интенсивного использования механизмов защиты.

Эмоциональный симбиоз и соответствующие ему воспитательные стили: эгоцентрическая инфантилизация, потворствующая гиперопека, обесценивание – представляют, по мнению Л.Р.Гребенникова, экстремальную родительскую установку, блокирующую онтогенетически более поздние потребности ребенка в автономии, определении границ «Я», самостоятельном контроле ситуации. В зависимости от особенностей темперамента ребенок прибегает к таким механизмам защиты, как замещение или регрессия, предполагающие внешненаправленные действия, или к противоположным им – подавлению и интеллектуализации.

Оптимальным стилем может считаться безусловное эмоциональное принятие ребенка с разумными, последовательными требованиями к нему. В этом случае ни один из образующихся механизмов защиты не используется сверхинтенсивно.

Сами способы решения тех или иных проблемных и стрессовых ситуаций зависят в значительной

степени от воспитания и, прежде всего, от опыта, приобретенного в детстве.

Значение влияния прасемьи, детского опыта взаимодействия с родителями на выбор способов совладания с трудными ситуациями у супругов было продемонстрировано в диссертационной работе М.А.Сизовой, выполненной под нашим руководством, посвященной изучению семей с разным характером связей между поколениями (прародители – дети – внуки): «сохранной преемственностью», «односторонней передачей» (от старшего поколения к детям и внукам) и «нарушенной преемственностью» [Куфтяк, 2011b]. Было установлено, что выраженная степень вмешательства родителей в дела своих детей и контроль за ними в детстве обеспечивает выбор супругами из семей с «односторонней передачей» самообвиняющего поведения в трудных ситуациях ($\beta = 0,67$, $p = 0,001$, здесь и далее в скобках – данные регрессионного анализа), что подтверждает деструктивную роль сверхвключенности. Так как «холодный» контроль не продиктован со стороны родителей заботой и поддержкой в трудных ситуациях, то в детстве с повышением ответственности чаще происходит фиксация на негативной оценке своей роли в ситуации. Так, деструктивный контроль в сочетании с дефицитом заботы является значимым фактором, связанным с непродуктивностью совладания во взрослом возрасте. Присутствие в семейных коммуникациях родительской семьи индуцирования тревоги и напряжения обуславливает выбор супругами из семей с «односторонней передачей» конфликтного стиля ($\beta = 0,62$, $p = 0,004$) и избегания ($\beta = 1,73$, $p = 0,005$).

Возможно, становление выбора непродуктивных стратегий развивается под воздействием постоянной родительской фиксации на трудностях, опасностях и неудачах, что способствует незащищенности от опасности, а продуктивность совладания зависит, прежде всего, от безопасности и комфорта. Следует отметить, что также установлено влияние сверхвключенности и индуцирования тревоги, распространенные в родительской семье, на эмоционально-психологическую сферу семьи, снижая потребность супругов из семей с «односторонней передачей» в эмоционально-психологической поддержке. Таким образом, можно говорить о том, что эмоционально-коммуникативные дисфункции в родительских семьях супругов из семей с «односторонней передачей» соотносятся с выбором эмоционально-избегающего способа реагирования, что свидетельствует о несовладании. В условиях воспринимаемой угрозы чувство надежности, психологическая безопасность и качество взаимодействия, получаемые в детстве, играют защитную функцию и способствуют построению продуктивной модели поведения в трудной жизненной ситуации.

Детский опыт супругов из семей с нарушенной преемственностью, включающий отсутствие присоединения родителей к их негативным переживаниям и настроению, оказывает влияние на выбор стратегии избегания неприятных переживаний ($\beta = 0,60$, $p = 0,034$). При изучении влияния эмоциональных коммуникаций в родительской семье на значимость семейных ценностей для супругов из семей с «нарушенной преемственностью» выявлено, что фиксация на трудностях, недоверие чужим и отсутствие фиксации на негативных переживаниях, существующие в родительской семье, влияют на степень личностной общности с партнером, затрудняя личностную идентификацию с супругом(ой).

Таким образом, супруги из семей с искаженной и нарушенной межпоколенной связью, детский опыт которых связан с приобретением и фиксацией тревожного состояния, пытаются снизить тревогу уходом от решения проблемы и импульсивными поступками. Так, тревога, закрепленная еще в родительской семье, в ситуации стресса препятствует рациональному анализу ситуации и поиску решения проблемы, а также нарушает семейную атмосферу, блокируя эмоционально-идентификационные отношения между супругами, что существенно ограничивает возможности диадического разрешения межличностных трудностей.

В исследовании семей с деструктивным типом отношений, при которых возможно проявление злоупотреблений в отношении детей, в частности применение родителями физических наказаний к детям, нами было установлено влияние деструктивных взаимоотношений в семье на выбор стилей

психологического совладания родителями и детьми [Куфтяк, 2002, 2011b]. Потенциальный риск для детей, связанный с подобным поведением родителей, включает рост вероятности детского психологического дистресса, рост уровня детской агрессивности, вероятность развития пограничного личностного расстройства, что актуализирует у детей механизмы защитного поведения.

Личностное отношение детей из семей, регулярно применяющих физические наказания, с близкими взрослыми (матерью, отцом и родителями как супружеской парой) является предиктором совладания детей с трудными жизненными ситуациями (по данным регрессионного анализа). Значимость отношений с отцом и родительской четой способствуют формированию у мальчиков пассивного совладания со стрессом (выбор стратегий «*остаюсь сам, один*», $p = 0,034$; «*мечтаю, представляю*», $p = 0,009$; «*прошу прощения, говорю правду*», $p = 0,017$). Значимость личностных отношений с близкими взрослыми мальчиков из семей условно благополучных препятствует развитию пассивных вариантов совладающего поведения, влияя на выбор стратегий, связанных с *уходом в детскую работу* ($p = 0,006$).

Девочки экспериментальной группы по сравнению с мальчиками имеют возможность искать и выбирать источник социальной поддержки. Поддержка, оказываемая семьей, выражается в недостаточно адекватной форме, чаще путем принятия «жестких» воспитательных мер. Данная поддержка воспринимается негативно, снижает настроение, самооценку, активность девочек, усиливает эмоциональное напряжение, что вынуждает прибегать к эмоциональным способам совладания со стрессом («*кусаю ногти, ломаю пальцы суставов*», уровень значимости межгрупповых различий $p = 0,062$, оценка по критерию хи-квадрат; «*говорю с кем-нибудь*», $p = 0,038$). Девочки контрольной группы используют активное, осознанное преодоление проблем, направленное на поиск поддержки («*говорю с кем-нибудь*», $p = 0,037$) и усиление экспрессивного поведения («*борюсь, дерусь*», $p = 0,063$).

Проведенный анализ наглядно демонстрирует онтогенетическую зависимость психологической защиты от установок и реальных взаимоотношений родителей с ребенком, доминирующих в период его воспитания.

Копинг-стратегии детей и родительское поведение

Обратимся к анализу копинг-стратегий как результату усвоения демонстрируемых родителями форм поведения. В процессе онтогенеза у каждого ребенка формируется индивидуальный уникальный стиль совладающего поведения, управляющий состоянием и преодолевающий стрессы повседневной жизни. Как отмечали еще Л.С.Выготский и А.Р.Лурия, в «торможении примитивных функций и выработке сложных культурных форм приспособления и заключается переход от примитивных детских форм поведения к поведению взрослого культурного человека» [Выготский, Лурия, 1993, с. 158].

Формирование механизмов совладания у ребенка происходит не только на основе имеющегося у него личностного опыта, но и поверхностно, через усвоение реального поведения других людей. Внешний поведенческий компонент совладания может усваиваться и копироваться посредством подражания, которое Л.С.Выготский считал источником возникновения всех специфических человеческих свойств сознания и видов деятельности [Выготский, 1991]. Л.Ф.Обухова описывает подражание как форму ориентировки ребенка в разных аспектах окружающей действительности, необходимую для решения актуальных и специфических для каждого возраста задач развития [Обухова, 1998]. Содержание подражания (идентификации), по мнению автора, начиная с трехлетнего возраста представляет собой моделирование поведения взрослого. «Ребенком

перенимаются различные настроения, чувства, наиболее “принятые” в семье: ... это впитывается ребенком, создавая у него внутренние умения переживать то или иное чувство» [Субботский, 1981, с. 96].

Исучая особенности совладающего поведения родителей и детей дошкольного и младшего школьного возраста в семье, регулярно применяющей физические наказания детей, мы установили влияние совладающего поведения родителей на формирование у детей моделей совладающего поведения. Так, отмечено влияние совладающего поведения родителей на становление следующих стилей у детей: поиск социальных контактов с целью получения поддержки, рефлексивный уход и деструктивная эмоциональная экспрессия. Такие стили, как пассивное отвлечение и разрядка, поиск духовной опоры / поддержки, активно-деятельностное отвлечение, оказались вне влияния родительской копинг-модели.

Поиск социальных контактов. Склонность матерей основной группы к уходу от проблем в семье и ситуативно возникающее стремление заняться собой, желание некоторое время провести по собственному усмотрению (сходить в магазин, на прогулку, посмотреть любимый фильм / передачу), самоустранение от детских проблем и из круга повседневного общения с ребенком ($p = 0,003$; здесь и далее в скобках приводится значимость β -коэффициентов по данным регрессионного анализа) уменьшает вероятность выбора детьми копинг-стратегий, направленных на поиск социальных контактов с целью получения поддержки (обнимаю, прижимаю, глажу, говорю с кем-нибудь, прошу прощения). По-видимому, подобная демонстрация материнского совладания лишает ребенка потребности искать социальную поддержку, так как ребенку не надо вести себя «правильно»: говорить правду, проговаривать случившееся, обращаться к окружающим за принятием, пониманием и помощью, ведь взрослые (а именно матери) все равно этого не увидят и не услышат.

Рефлексивный уход. При поиске степени влияния совладающего поведения на выбор детьми копинг-стратегий мы обнаружили интересный факт. Так, выбор детьми копинг-стратегий, направленных на рефлексивный уход от проблем (думаю об этом, молюсь, говорю сам с собой, остаюсь один), оказывается под влиянием отцовского поведения. Стремление отцов занимать отстраненную позицию в семейной обстановке и окружающей действительности, избегание проблем, ситуативное использование ими отвлечения от трудных ситуаций ($p = 0,041$) располагает ребенка к отказу от копинг-стратегий, направленных на рефлексивный уход от неприятных и тревожащих ситуаций. Отцовская любовь «условна», ребенку одновременно симпатизируют, но в то же время не всегда принимают его действия и поступки. Отец для детей (в нашем исследовании преобладают мальчики) выступает эталоном и примером для подражания, поэтому дети никогда не останутся один на один со своей проблемой. Ребенок охотнее откажется от социально-неодобряемых стратегий совладания, стараясь «соответствовать» требованиям и ожиданиям отца.

Деструктивная эмоциональная экспрессия. С помощью регрессионного анализа мы установили влияние родительского отношения и совладания на выбор детьми копинг-стратегий данной группы (кусаю ногти, ломаю пальцы суставов, воплю, кричу, плачу, грущу, схожу с ума, бью, ломаю, швыряю вещи, дразню кого-нибудь и т.п.). Установленные нами факты влияния носят противоречивый характер.

С одной стороны, оба родителя основной группы, достоверно чаще используя воспитательные установки, направленные на непринятие и авторитарный контроль за поведением ($p = 0,02$) ребенка, повышают вероятность использования ребенком копинг-стратегий, направленных на эмоционально-деструктивное отреагирование.

С другой стороны, выбор матерями стиля социального отвлечение ($p = 0,046$) и отцами стратегии «поиск социальной поддержки» ($p = 0,038$) оказывает благоприятное влияние на становление копинг-поведения ребенка. Выбор матерью и отцом стратегий, направленных на поиск эмоциональной, информационной поддержки, совета у близких и специалистов уменьшает риск

выбора ребенком *эмоционально-деструктивных* копинг-стратегий. Во-первых, подобное поведение родителей при разрешении детских проблем (т.е. обращение к специалистам-психологам) позволяет смягчить в ходе консультативной беседы невротические симптомы у детей. Во-вторых, возможно, проблемы, разрешаемые родителями, не воспринимаются детьми как собственные, поэтому и нет переживаний, приводящих к деструктивным стратегиям совладания.

Таким образом, была установлена разная чувствительность детских копинг-стратегий к влиянию материнских и отцовских стилей совладания. Наиболее чувствительными к особенностям совладания матерей у детей оказываются стратегии, направленные на активное отвлечение. Рефлексивный уход, напротив, подвержен влиянию совладающего поведения отцов. Родители, регулярно наказывающие своих детей, выбирая позицию личной отстраненности при совладании с жизненными трудностями и избегая контактов с окружающей действительностью, лишают ребенка потребности искать социальную поддержку.

Модель формирования копинг-поведения

С учетом современных научных представлений относительно механизмов формирования детской личности становление и развитие совладающего поведения рассматривается нами в зависимости от индивидуальных и семейных факторов, детерминирующих его становление. Анализ и систематизация факторов позволяет нам их представить в единой модели формирования копинг-поведения у детей (см. рис. 1).

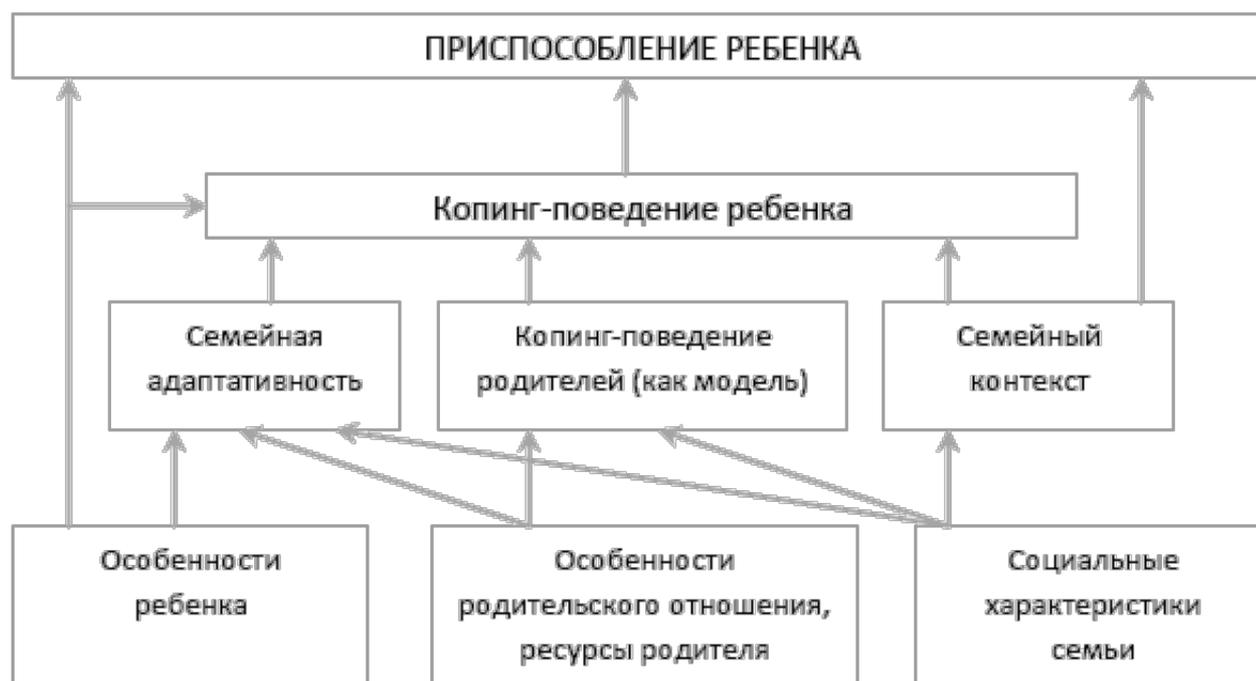

Рис. 1. Модель формирования механизмов совладания у детей.

В качестве факторов, детерминирующих формирование и становление механизмов совладающего поведения, нами выделены: качество привязанности, система личностных отношений ребенка, семейный контекст, детско-родительские отношения (детский опыт отношений), модель совладающего поведения родителей [Куфтяк, 2011а]. Рассмотрим каждый из факторов.

1. Качество привязанности ребенка к родителю (матери), понимаемое нами как стремление к близости и выступающее основой безопасности для ребенка. Привязанность формируется в ранний

период жизни ребенка и подразумевает длительные отношения. Защищающая безопасная привязанность позволяет развивающемуся организму конструировать адаптивные «внутренние модели» себя и других.

Дети с разным качеством привязанности (средний возраст 9 лет), участвовавшие в нашем исследовании, демонстрировали разные стили поведения в трудной жизненной ситуации. Дети с тревожной привязанностью демонстрируют пассивный стиль копинг-поведения: дети с ЗПР используют эмоционально-поведенческие способы совладания; дети с типичным развитием прибегают к стратегиям, связанным в большей или меньшей степени с когнитивной сферой. Уверенно привязанные дети выбирают активно-деятельностные копинг-стратегии, позитивные аффекты у них преобладают над негативными.

2. Система личностных отношений ребенка, включающая субъективно переживаемые связи с другими людьми (родителями, сиблингами, прародителями, друзьями, учителями) и особенности самого ребенка, проявляющиеся в отношениях с другими (любопытность, стремление к общению и доминированию, отгороженность и др.).

Копинг-поведение детей из семей, регулярно применяющих физические наказания, обусловлено личностным отношением к окружающим людям (как предиктором совладания). Значимость отношений с отцом и родительской четой способствуют у мальчиков формированию пассивного совладания со стрессом. Значимость отношений с близкими взрослыми способствует у девочек формированию стратегий, направленных на поиск социальной поддержки и деструктивной эмоциональной экспрессии.

3. Семейный контекст понимается нами как система условий жизнедеятельности семьи, обуславливающая влияние на функциональные, ролевые, коммуникативные и поведенческие характеристики членов семьи и семьи как целого (например, в нашем исследовании семьи с разным типом отношений).

4. Детско-родительские отношения оказывают влияние на психическое развитие ребенка и его социальную адаптацию, в том числе имеют значимое влияние и на становление способности к разрешению жизненных трудностей.

Детский опыт отношений с родителями, эмоциональные коммуникации родительской семьи сопряжены с выбором совладающего поведения в период взрослости. Так, высокий уровень эмоционально-коммуникативных дисфункций в прародительской семье, фиксация тревожности, неприятие и отсутствие поддержки в детстве блокируют выбор продуктивного совладания с трудностями у взрослых. Именно гармоничное взаимодействие в диаде «родитель – ребенок» (взаимное принятие, согласованность тактик родителя и ребенка, сотрудничество) выступает залогом построения у детей адаптивной функциональной модели совладания.

5. Модель совладающего поведения родителей как «готовая социально-культурная обстановка создает» для ребенка «те необходимые формы приспособления, которые давно уже были созданы у окружающих его взрослых» [Выготский, Лурия, 1993, с. 158].

Исследование проблемы формирования совладающего поведения ребенка позволило установить, что усвоение и переживание детьми внешней картины совладающего поведения родителей не приводит к непосредственному копированию особенностей совладающего поведения, а находит свое отражение в генезисе копинг-поведения другого качества.

Так, мы обнаружили, что, несмотря на неэффективность и деструктивность совладающего поведения родителей из семей, регулярно применяющих физические наказания (ими чаще выбираются конфронтативный копинг, эмоционально-пассивный стиль разрешения трудностей), дети не воспроизводят родительскую модель совладания. Они ослабленно и противоречиво

реагируют на трудные ситуации, предпочитая копинг-стратегии, направленные на социальные контакты с целью получения социальной поддержки и проявление эмоциональной экспрессии.

Анализ влияния особенностей родителей с учетом признака пола показал, что совладающее поведение ребенка более чувствительно со стороны матери к ее отношению (материнско-детскому отношению), а со стороны отца – к модели совладания.

Заключение

Результаты исследования говорят о сложном характере интериоризации детьми родительского влияния. Стратегии преодоления трудных ситуаций у детей не являются результатом непосредственного копирования особенностей поведения взрослых. Становление и развитие совладающего поведения находится под влиянием комплекса взаимосвязанных индивидуальных и семейных факторов.

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 11-06-00812а.

Литература

Абитов И.Р. Антиципационная состоятельность в структуре совладающего поведения: в норме и при психосоматических и невротических расстройствах: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2007.

Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. М.: Акад. проект, 2011.

Анциферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование жизненных ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15, No. 1. С. 3–18.

Бернардо С.Х. Исследование взаимосвязи между уровнем интеллекта и предпочтениями психологических защит в юношеском возрасте // Материалы конференции, посвященной 140-летнему юбилею клиники нервных и душевных болезней. СПб.: ВМедА, 2000. С. 175–176.

Ветрова И.И. Сравнение динамики психологических механизмов регуляции поведения (совладания, психологических защит и контроля поведения) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А.Некрасова. Сер.: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2009. Т. 15, No. 4. С. 23–32.

Выготский Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте. М.: Просвещение, 1991.

Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. М.: Педагогика-Пресс, 1993.

Грановская Р.М., Никольская И.М. Защита личности: психологические механизмы. СПб.: Знание, 1998.

Гребенников Л.Р. Механизмы психологической защиты: генезис, функционирование, диагностика: дис. ... канд. психол. наук. М., 1994.

Колосова Т.А. Копинг-поведение и механизмы психологической защиты у подростков с умственной отсталостью: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2007.

Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения. Кострома: Авантитул, 2004.

Крюкова Т.Л. Человек как субъект совладающего поведения // Психологический журнал. 2008. Т. 2, No. 2. С. 88–95.

Куфтяк Е.В. Психологические механизмы совладающего поведения и преодоление трудностей детьми в семье // Психология и практика: сб. науч. тр. / отв. ред. В.А. Соловьев. Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та им. Н.А.Некрасова, 2002. Вып. 2. С. 42–48.

Куфтяк Е.В. Психология семейного совладания: автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 2011а.

Куфтяк Е.В. Психология семьи: регуляция и защита. Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та им. Н.А.Некрасова, 2011б.

Никольская И.М., Грановская Р.М. Психологическая защита у детей. СПб.: Речь, 2000.

Куттер П. [Kutter P.] Современный психоанализ: Введение в психологию бессознательных процессов. СПб.: БСК, 1997.

Обухова Л.Ф. Детская психология: теории, факты, проблемы. М.: Тривола, 1998.

Психотерапевтическая энциклопедия / общ. ред. Б.Д. Карвасарского. СПб.: Питер Ком, 1998.

Сергиенко Е.А. Субъектная регуляция совладающего поведения // Совладающее поведение: современное состояние и перспективы / под ред. А.Л. Журавлева, Т.Л. Крюковой, Е.А. Сергиенко. М.: ИП РАН, 2008. С. 67–83.

Сергиенко Е.А. Контроль поведения и защитные механизмы // Психология совладающего поведения: материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Кострома, 23–25 сент. 2010 г.: в 2 т. / отв. ред. Т.Л. Крюкова, М.В. Сапоровская, С.А. Хазова. Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та им. Н.А.Некрасова, 2010. Т. 1. С. 65–67.

Смирнова А.В. Половозрастные и семейные факторы становления совладающего поведения у детей младшего школьного возраста: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2010.

Субботский Е.В. Генезис личностного поведения у дошкольников и стиль общения // Вопросы психологии. 1981. No. 2. С. 68–78.

Хазова С.А. Совладающее поведение одаренных старшеклассников: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Кострома, 2002.

Фрейд А. [Freud A.] Психология «Я» и защитные механизмы. М.: Педагогика-Пресс, 1993.

Фридман И.К. О контакте родителей с детьми // Вопросы психологии. 1990. No. 1. С. 93–99.

Haan N. A tripartite model of ego functioning: values and clinical research applications // Journal of Nervous and Mental Disease. 1969. Vol. 148(1). P. 14–30.

Haan N. Coping and defending: Processes of self-environment organization. New York: Academic Press, 1977.

Lazarus R.S. Psychological stress and the coping process. New York: McGraw-Hill, 1966.

Lazarus R.S. Emotion and adaptation. New York: Oxford University Press, 1991.

Поступила в редакцию 11 января 2012 г. Дата публикации: 30 апреля 2012 г.

Сведения об авторе

Куфтяк Елена Владимировна. Кандидат психологических наук, доцент кафедры специальной психологии, Костромской государственной университет им. Н.А.Некрасова, ул. 1 Мая, д. 14, 156001 Кострома, Россия.

E-mail: elena.kuftyak@inbox.ru

Ссылка для цитирования

Стиль psystudy.ru

Куфтяк Е.В. Факторы становления совладающего поведения в детском и подростковом возрасте. Психологические исследования, 2012, № 2(22), 4. <http://psystudy.ru>. 0421200116/0015.

ГОСТ 2008

Куфтяк Е.В. Факторы становления совладающего поведения в детском и подростковом возрасте // Психологические исследования. 2012. № 2(22). С. 4. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг). 0421200116/0015.

[Последние цифры – номер госрегистрации статьи в Реестре электронных научных изданий ФГУП НТЦ "Информрегистр". Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

[К началу страницы >>](#)